

ЖУРНАЛ

www.classicmus.ru

St. Petersburg
Music and Art Magazine

ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСКУССТВА

№2/2012

В фокусе:
«Звезды
белых ночей»

Дмитрий Хворостовский:
Пою только оперы Верди

Грэм Вик:
актуальный «Борис Годунов»

Ольга Бородина:
Чудодейственный голос

Оперная Америка:
Анна Нетребко - Манон

Дмитрий Хворостовский
фото Владимир Гостнов

ОПЕРА, КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Дмитрий Хворостовский: “Никаких опер, кроме Верди не пою...”

Почему для своего дебюта на фестивале «Черешневый лес» Вы выбрали очень строгую академическую форму камерного концерта.

Вообще-то, это моя любимая форма общения со зрителями – через песню, через романс, особенно русский романс. Моя привязанность к камерному пению восходит еще к периоду, когда я учился в Красноярске. Я досконально знаю русский песенный репертуар, и у меня, кажется, есть, что сказать слушателю. Хотя, конечно, я не могу не признать, что камерный концерт – уходящий, старомодный жанр. Впрочем, надеюсь, что в зале будет много молодежи, студентов. Это было бы и приятно, и почетно для меня.

По какому принципу Вы «собирали» свой нынешний концерт?

Я уже много раз исполнял данную программу в разных городах мира, и только Москва и Париж оставались неохваченными. 18 мая я пою концерт в Большом зале консерватории, потом еду в Париж и

Дмитрий Хворостовский спел сольный концерт в БЗК в рамках фестиваля «Черешневый лес». Накануне концерта удалось побеседовать с артистом.

выступаю в театре Шатле. Дальше будем с моим коллегой-аккомпаниатором Ивари Илией делать что-то новое. А принцип компоновки простой. Мы встречаемся с Ивари, предлагаем, обсуждаем, утверждаем названия и готовимся, работаем. Русский блок всегда присутствует. Из Чайковского буду петь целиком последний его опус «Шесть романсов» 1893 года. Два романа из этого цикла долго оставались у меня неосвоенными – теперь вот соединяю все воедино. Так как мы строили концертную программу в 2011 году, который шел под знаком Ференца Листа, решили включить его самые романтические песенные опусы. Выбрали «Сонеты Петрарки» и еще кое-что близкое по теме. Знаете, это такие страстные стихи, почти романтическая опера. В Москве пою также романсы Танеева. Как дирижер-хоровик я еще со студенческой скамьи знаком с его хоровыми произведениями, но у Танеева есть и интересные романсы. Их редко встретишь в концертных программах других вокалистов. Это наш русский раритет, хотя даже здесь в России его не часто поют. В целом, составить программу романсов не представляет большой сложности. Мы с Ивари последние годы постоянно варимся в исследовательской работе – штудлируем песенный фонд. Метнер и Танеев – первые в списке изысканий, фавориты, так сказать.

Но еще в Москве и Париже есть Рахманинов вместо присутствовавшего в предыдущих концертах Форе?

Совершенно верно. Я недавно заключил контракт с финской рекорд-компанией Ondine и теперь должен учитывать и их интересы тоже. Форе у меня постоянно в активе, я очень люблю его музыку, но финские коллеги попросили меня «попиарить» только что вышедший мой диск с романсами Рахманинова, поэтому в Москве и Париже я пою несколько песен из него.

Весь уходящий сезон Вы пели исключительно в операх Верди. В обеих прямых трансляциях из Метрополитен Оперы, которые с сентября 2011

года проходят и в московских кино-театрах. Вы предстали колоритным вердиевским героем. Это совпадение?

Нет, это сознательное зрелое решение. Я уже десять или даже пятнадцать лет никаких опер, кроме вердиевских не пою. Даже от моих любимых «Евгения Онегина» и «Пиковой дамы» недавно отказался. Верди «захватил» меня целиком и полностью.

После Вашей победы в роли придворного шута Риголетто пришел черед революционного дожа Симона Бокканегры. Только о нем все и говорят в связи с Вами.

«Симон Бокканегра» – большая тема. Я спел его и в Венской Опере и в Метрополитен Опере. Джимми Ливайн сказал мне, что я лучший Симон, но записали Доминго. Вы же знаете, он недавно стал баритоном – в роли Риголетто выступил, Симона осилил. Иногда у него не очень здорово получается «баритонить», но он – Доминго, оперный царь. Где не хватило голоса, берет актерской харизмой. Впрочем, я не обижаюсь, я люблю Плаcido и желаю ему всяческого успеха и здоровья. Подумаешь, не записал я сейчас Симона, значит, позже запишу, тем более, я бы не отказался от фильма-оперы, чтобы сыграть как следует – может и дубль сделать. Баритон ведь как хороший коньяк – с возрастом только набирает терпкость.

Очень успешным было Ваше выступление в роли Симона в этом году в Вене. Расскажите от этой работе.

Я люблю петь в Вене. Государственная опера – это старый репертуарный театр, консервативный во многом, но традиции его велики. А успех этого «Симона» заключается в блистательном кастинге, постановка-то сама по себе там идет не интересная. У нас в команде был самый лучший Фиеско – итальянский бас Ферруччо Фурланетто. Кроме того, что он на сегодняшний момент лучший Фиеско, он же один из главных интерпретаторов и знатоков наследия Верди. Понимаете, это даже трудно объяснить словами. Он словно посланник композитора – такое

впечатление, что его замечания по поводу того, как петь то ли иное место в спектакле – это замечания самого маэстро. Ну и Марина Поплавская – молодая вокалистка из Москвы, и сожалению, недостаточно известная в России. Она очень вдумчивая певица, ни на кого не похожая, актриса глубокая, просто Шалтин в юбке. Она так вживается в своих героинь, такого уровня правдоподобия достигает – мурашки по коже бегут. Петь вместе с ней – это и приятно и ответственно.

Как привезите ее в Москву на свой ежегодный концерт «Хворостовский и друзья», чтобы и мы посмотрели, что за страсти кипят, когда вы оба на сцене.

Я бы привез, но Марина «съест» всех моих коллег – дирижера, музыкантов, аккомпаниаторов. Марина реально уникальная девочка – она знает все голоса в оркестре, всю партитуру и историю оперы так, что если ее звать, даже статист на сцене должен быть выходцем из консерватории. Вы смеетесь, а это правда. Я считаю, что нужно следить за ее ростом – пусть и издалека, потому что таких певиц больше и нет.

Громким был Ваш дебют в роли Дона Карлоса в «Эрнани» – в феврале мы все смотрели трансляцию в кино. Особенно умопомрачительным был выход Карлоса в финале, когда он становится императором. Вы с Фурланетто просто затмили беднягу Эрнани. Что скажете?

С «Эрнани» смешная история получилась. Я никогда раньше не пел Дона Карлоса из соображений экономии голоса. Партия написана для высокого баритона, ну, практически, для тенора, и я как-то о ней не думал всерьез. Наконец, созрел. Да и с Фурланетто хотелось поработать – его персонаж старик Сильва так зверски соперничает и с королем и с Эрнани из-за Эльвиры, просто загляденье. Так вот. Я спел Карлоса, был очень рад приветствовать в антракте с экрана своих соотечественников, в целом, был доволен жизнью и собой. Спустя время встречаю я в Метрополитен Доминго – говорю ему, что вот Карлоса спел, а ты, мол, чего отстаешь. На что Доминго, человек с живым юмором в другом, что не касается его карьеры новоиспеченного баритона, говорит: «Уже выучил, ишу оказию спеть». А я-то просто шутил, был в хорошем настроении. И вдруг на меня тоже серьезность напала,

думаю про себя: «Раз ты смог в 49 лет спеть Карлоса, сможешь на пенсии весь репертуар теноровый освоить. Не будет времени скучать». Забавно.

К Риголетто больше не возвращаетесь? Когда-то Вы говорили, что это любимая роль.

Так и есть. Но я заложник моих контрактов. «Риголетто» в Мет в них значится, но, по-моему, через сезон. Обожаю петь Риголетто, хотя это очень трудно. Ты все время на сцене, все время поешь. Для баритона это опера опер, как «Дон Жуан» и как «Симон». Понятно, что можно петь в один сезон и Симона и Риголетто, но я не люблю порхать с места на место. Мне нравится засесть в резиденции, скажем, в Королевской Опере Ковент Гарден и месяц-два там работать. Семья может ко мне тогда присоединиться. С двумя маленькими детьми далеко не уедешь. Поэтому я ориентируюсь прежде всего на Метрополитен, где пою сразу несколько партий в сезон, и на свою концертную деятельность. Постоянно сижу с семьей в Нью-Йорке и выезжаю ненадолго, чтобы спеть где-то концерт.

Доходили какие-то слухи о Ваших столкновениях с Вилли Декером, постановщиком «Травиаты», но в итоге все срослось. Расскажите, что произошло?

Да я и думать забыл о нашей стычке с ним. Эта «Травиата» обошла несколько сцен мира и достигла Мет. Многим артистам она нравится – потому что это хоть и авангард, но очень умеренный, спокойный. Я не стал поклонником постановки, но сама ее идея мне симпатична. Что же касается ссоры с Вилли, то это была какая-то случайность. Я был не в духе, вспылил, почувствовал как бы физиологическую несовместимость со спектаклем, хотел уже рвать контракт. Но Декер повел себя настолько корректно, настолько деликатно, что я остался. Хотя по большому счету я, наверное, все равно бы не хлопнул дверью – слишком много было завязано на этой «Травиате». Семья должна была приехать на этот период ко мне. В итоге мы расстались друзьями – он отпустил Жермона на волю, не попросил переодеться по сто раз из ночнушки в смокинг, без штанов бегать не предложил. И сценография у спектакля более чем располагающая – белый диск такой славный стоит на сцене, да и акустике ничего не мешает. Нормально.

Йонаса Кауфмана Вы нам в Москву еще разок привезете?

Очень бы хотелось. Но тут все зависит от амбиций наших агентств. На сцене Метрополитен и, может, в Мюнхене или Вене мы еще должны столкнуться не раз, но Москва – это всегда сложная тема. И даже если не удастся устроить новый совместный концерт в Москве, я очень счастлив и горд, что состоялся тот первый – в 2008 году. Мы еще семьшми друзьями – и у него и у меня есть маленькие дети, это всегда объединяет, когда работаешь где-нибудь в гастрольном режиме и пошлого не видишь семью.

Какие диски будете писать после Рахманинова?

Записи моя любимая тема. Нанюхилось столько песенного материала, который я хочу записать здесь и сейчас, пока мой голос в самом соку, пока я сам себе нравлюсь как певец. Мне все равно, что требуют от меня фирмы. У них свои графики, а у меня свои. Там, где наши желания совпадают – мы сотрудничаем, с той же Ondine хорошо пошло, а если не совпадают, я вкладываю свои деньги, записываю то, что считаю нужным. Записанный материал не стареет, а когда выйдет CD – не так уж важно, по большому счету. Планы у меня гигантские. Я хочу буквально все – вот этот последний опус Чайковского, который пою сейчас в Москве, будет записан, романсы Танеева, песни Раavel, Дюпарна, Форе, Сюита Шостаковича на стихи Минделанджело, «Песни и пьески Смерти» Мусоргского. Духовной, хоровой музыки много. Буду петь а капелла с хором под управлением Канторевича, и тоже будем записывать.

Вам только что вручили Opera News Awards в компании с Питером Селларсом, Каритой Маттилой, Анной Силья и Петером Маттеи. Это престижная премия?

Хворостовский. В Америке ее приравнивают к «Оскару» – почетная награда от критиков за достижения в области оперного искусства. Хорошая компания в этом году, и в прошлые годы там славные ребята засветились – Ринкардо Мути, Йонас Кауфман, Рене Флеминг. Приятно получать награды, хотя для меня все равно более дорогие те, что достались мне дома в начале моей карьеры в России: народный артист, лауреат Госпремии.

Интервью частично опубликовано в газете «Культура»